

В. П. Любчак

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ ОСНОВАНИЕ РОССИЙСКОГО МЕНТАЛИТЕТА: ОТНОШЕНИЕ К ВОЙНЕ И МИРУ

В статье рассматриваются некоторые аспекты влияния фундаментального основания российского менталитета на формирование представлений о войне и мире. Делается вывод о том, что восприятие пространства и времени в российском менталитете оказывает определяющее воздействие на отношение россиян к войне и миру. Подтверждения вывода иллюстрируются на примере отношения российских граждан к войнам в Грузии и Ираке.

Ключевые слова: война, мир, менталитет, пространство, время.

Конец прошлого века и начало нынешнего характеризуются многосторонней трансформацией мировой системы. Эта трансформация затронула все сферы жизни. На рубеже веков мы стали свидетелями реструктуризации мира. Пришло осознание общности проблем, взаимозависимости и взаимосвязанности народов, стран, структур, институтов, каждого человека. Мир стал восприниматься как единый. Глобальность нашла отражение во всех сферах общественной жизни: социально-экономической, политической, военно-политической, морально-этической.

Поскольку глобализация несет с собой подчинение большинства меньшинству, она ведет к неизбежным конфликтам – локальным, региональным, планетарным, по сути своей все более напоминающим конфликт культур и цивилизаций. Новый мировой порядок становится причиной хаотизации мира, глобализацией страха и насилия и несет еще большую опасность, чем прежний, «биполярный» порядок, поскольку не поддается контролю.

К миротворческой тематике обращаются представители различных сфер науки и общественной деятельности. Однако их исследования имеют разрозненный характер, основная причина которого – интересы конкретных наук: политологии, конфликтологии, истории, экономики. Очевидна нехватка систематизированного понимания вопросов войны и мира. Кроме того, эти подходы к решению проблемы военных конфликтов имеют ограниченный успех, так как в рамках исследования миротворческой проблематики недостаточно внимания уделяется нерелевантным, нерациональным основаниям конфликтных ситуаций.

Отсюда очевидна актуальность обращения к философскому анализу рационального и иррационального факторов национального сознания, которые находят свое адекватное отражение в понятии «менталитет». Это понятие способствует объяснению нерелевантных оснований человеческого поведения и прогнозированию поведения человека в сложных ситуациях, в которых реакция ин-

дивида, группы, национальной общности может существенно отличаться от прогнозируемых действий.

Актуальность исследования нерелевантных оснований конфликтов повышается в условиях постоянно вспыхивающих военных конфликтов. Представители разных типов менталитета по-разному интерпретируют одну и ту же конфликтную ситуацию. В понимании различий в интерпретации того или иного военного конфликта становится очевидным недостаточно глубокий подход. Это приводит к существенному непониманию между народами.

Таким образом, понимание глубинных основ менталитета граждан разных стран является необходимым условием успешного проведения миротворческой политики.

Исследование феномена «менталитет» с позиций философии культуры [1] дает возможность выделить в его структуре фундаментальное архетипическое и социокультурное основания в диалектике их взаимодействия.

В данной статье представлен анализ влияния фундаментального архетипического основания российского менталитета на формирование понимания гражданами России вопросов войны и мира.

Обращение к фундаментальному архетипическому основанию менталитета [1] позволяет обозначить ряд важных моментов:

1) говоря о менталитете, авторы имеют в виду определенное сообщество людей, коллектив, проживающий на определенной территории, а не отдельного человека. Как же формировались исходные представления, ценности у исходных сообществ людей? Рассматривая происхождение народов, можно отметить, что исходным коллективом, носителем каких-либо представлений в большинстве стран была община в тех или иных ее проявлениях (германская марка, русская задруга).

Каждая община проживала на своей территории, имеющей свое расположение, размеры, границы. Таким образом, вводится категория «пространство».

2) представления общин, их ценности, ориентации складывались в течение определенного времени и со временем претерпевали определенные изменения. Очень важно проследить их движение во времени. Таким образом, выделяем вторую важную категорию – «время».

Итак, определены следующие значимые параметры менталитета: пространство, восприятие пространства, время, отношение ко времени.

Таким образом, выполнен подход к пространственно-временному континууму, в рамках которого будет рассмотрен менталитет.

Первоначальные представления об окружающей действительности формировались в рамках архаической первобытной общины. Уже с этого момента наблюдаются различия в представлениях о действительности.

Опираясь на исследования архаических обществ Э. Дюркгейма и В. Тэрнера [2, 3] в контексте пространственно-временного континуума [1], основные пути формирования современного менталитета можно представить следующим образом (рисунок).

Основные пути формирования современного менталитета

Итак, у нас две оси – пространство и время. Вдоль оси пространства расположены два типа общины: община 1 – община внутренней традиционности (Россия) и община 2 – община внешней традиционности (Великобритания). На оси времени показано изменение сознания во времени. Первоначальное сознание обозначается как первобытное. В зависимости от типа солидарности, соотношения коллективного и индивидуального сознания в этих общинах уже наблюдается существенное

различие, которое со временем усиливается. С течением времени каждая община (а позже государство) утверждает у себя определенную религию. Соответственно, в странах внешней традиционности религиозные представления могут повлиять на изменение сознания при сохранении прежних внешних форм. В странах же внутренней традиционности религиозные убеждения приспособляются к существующим мифам, стереотипам, архетипам, не меняя их сути. Затем, в ходе исторического процесса общественное сознание становится идеологическим, т. е. существующие представления, идеи, концепции, мифы и так далее организуются в определенную идеологию. И опять же в странах внутренней традиционности содержание идеологии не уходит в своей сути от архаических представлений. В результате община внутренней традиционности так и осталась по своей сути архаическим обществом, далеко отошедшим от прогрессивной траектории развития. Общины же внешней традиционности по своему характеру нашли свое развитие в виде демократических обществ.

Россию можно отнести к странам внутренней традиционности, специфика менталитета ее граждан в значительной степени определяется его фундаментальным основанием, в контексте которого сложилась определенная архаическая ментальная матрица. На основные компоненты данной матрицы (архетипы, мифы, комплексы идей) различные исторические, экономические и политические события оказали очень мало влияния, и она в своей сути осталась практически неизменной. Традиционно-архаическая культура отличается тем, что образованные со временем из независимых типов поведения вторичные культурные комплексы работают соответственно первичным типам поведения. Используя работы известных исследователей архаических обществ Л. Леви-Брюля, К. Г. Юнга, Э. Дюркгейма [4, 5], можно сделать акцент на таких особенностях архаического сознания: преобладание коллективного сознания, его пралогичность и, соответственно, неотделенность от эмоций и мистичности, мифологизация. Эти особенности в контексте географической и исторической специфики России определили набор идейных комплексов: культ справедливости, мессианское призвание народа, патриархальность, соборность.

Архаические ментальные идейные комплексы, в свою очередь, определили специфику отношения к пространству и времени в России.

На протяжении многих веков границы Российского государства носили условный характер (в отличие от давно поделенной Европы) и постоянно расширялись. Россия всегда жила в условиях ожидания какого-то нового переселения. Подобное восприятие пространства способствовало

формированию такой особенности российского менталитета, как пространственная экспансия – ментальность кочевника, неопределенность национального сознания. Необъятное пространство стало внутренним фактором. Это также способствовало формированию «широты» русской души, которая своей помощью и заботой готова охватить очень многих. В соединении с мессианской идеей в контексте культа справедливости это способствовало формированию такой специфической черты, как историческая российская экспансия – принятие и культивирование особой «мессианской роли России» по отношению к сопредельным народам и государствам. Учитывая большое значение идеи справедливости, стоит отметить, что пространственная и историческая экспансия всегда происходила в контексте этой идеи, что часто подразумевало защиту не только своих интересов, но интересов всех несправедливо обделенных, обиженных.

Подобная специфика российской ментальной матрицы в отношении понимания уникальной роли России в мировой истории нашла достаточно яркое отражение в популярной российской идее «Москва – Третий Рим».

Такие специфические черты российского менталитета, как культ справедливости, мессианская идея, пространственная и историческая экспансия, отражаются и на интерпретации, отношении к различным военным конфликтам.

Результаты опросов, проведенных в 2005 г. Левада-центром, показали: Великую Отечественную войну считают справедливой восемь из десяти опрошенных, т. е. абсолютное большинство [6].

По обоснованному предположению А. Левинсона, справедливой наши соотечественники признают ту войну, которая принесла большие приращения территории, продолжая «собираение земель» [6, с. 105–108]. Прочие войны (финская, афганская, обе чеченские) «несправедливы» в том смысле, что «были либо неуспешны, либо, по сути, нетерриториальны, не умножали владений». Только 30 % опрошенных судят о войнах не с позиций «территориальности, пространственности», а с точки зрения «этической, гуманистической». Для них «все войны несправедливы, поскольку всегда сопровождаются насилием и жестокостью с обеих сторон».

Таким образом, русский человек имеет сложное отношение к войне и миру. Рассмотрим это отношение через пространственно-временной фактор. Временной фактор проявляется следующим образом. Во-первых, это значимость прошлого времени в настоящем. Корни большинства современных установок, в том числе и по отношению к войне и миру, находятся в далеком прошлом, поэтому необходимо обратиться к исходным, архаическим осо-

бенностям российского менталитета. Во-вторых, в отношении к прошлому, настоящему, будущему в российском менталитете очевиден преимущественный ориентир на отдаленное будущее, а не ближайшее и не на настоящее. Пространственный фактор выражается через контекст охраны своей территории, освобождение ее от «чужих», помощь дружественным соседям, мессианскую роль или умножение своей территории. В таком случае война будет считаться справедливой.

Когда война обоснована справедливостью, мессианской ролью страны или в далеком будущем принесет всей стране или даже всему миру установление желанного порядка, то такая война вполне приемлема и даже необходима. Учитывая то, что российское сознание отличается соборностью, то и готовы бороться за всеобщее благо, и для этого любые жертвы обоснованны. При этом благо может предполагаться в самом отдаленном будущем.

Данные характеристики российского менталитета можно пронаблюдать на примере отношения россиян к войне в Грузии и Ираке. Результаты опросов общественного мнения, проведенных в различное время по отношению к данным военным операциям [7–9], также демонстрируют уже обозначенные выше особенности восприятия войны и мира. В интерпретации войны в Грузии многие вернулись к представлению о том, что Россия в кольце врагов, на нее покушаются, она защищается, неважно, маленькая Грузия, либо Эстония, либо Украина, Польша. Кольцо этих врагов только увеличивается. И, соответственно, России надо защищаться. Упреждающая защита чрезвычайно важна для понимания структуры национального сознания. И идет напоминание, и это звучало и в официальных выступлениях, о победе в Великой Отечественной войне, что наш воин-миротворец – это практически воин-освободитель, который спас братский осетинский народ. Российские граждане чувствовали себя победителями, может быть, в последний раз, когда выиграли Вторую мировую войну. Следовательно, военные успехи должны были еще раз подтвердить, что у нас особая миссия, что мы – народ-победитель. Всё вместе это создало образ очень успешного, волевого, решительного руководства, утверждающего авторитет России, защищающего Россию.

Применительно к данной ситуации важно отметить, что существует несколько планов понимания массового сознания. Ближайший – это интерпретация, что Россия вмешалась в этнический конфликт для того, чтобы защитить осетинское население. Более отдаленный, более общий план – это конфронтация России с Соединенными Штатами и реанимация всех советских комплексов, представленный о том, что Россия вновь вступила в геополити-

ческое противостояние с Америкой, Америка препятствует усилению России, Америка пытается распространить свое влияние на Кавказ и вытеснить оттуда Россию. Этот геополитический сюжет очень важен для понимания того, что происходило. В нем воспроизведены несколько стереотипов, очень важных для человека, который живет на постсоветском пространстве, – миф о нападении, о том, что дали отпор агрессору, о том, что это произошло коварным образом. При этом подчеркивалась консолидация народа, то, что мы дружим в мире и живем в мире уже давно, миф о России как большом покровителе всех республик. Также здесь достаточно явно прослеживается русский культ справедливости.

Справедливость – один из ключевых факторов в понимании отношения к тому или иному вопросу для российского менталитета. И если военную акцию руководители государства смогут на рациональном и главным образом нерациональном уровне вписать в рамки культа справедливости в привычные мифы и стереотипы, то военная кампания будет пользоваться поддержкой большинства россиян, как мы видим в ситуации Великой Отечественной войны и войны в Грузии. Справедливая война и есть необходимая для российского менталитета.

Обобщим, что, по мнению россиян, входит в данном случае в культ справедливости. Во-первых, это защита своей территории, во-вторых, это борьба за «своих» против «чужих», на которых сознание по архаической привычке делит весь мир. Причем это деление рационально очень слабо обосновано. Обоснование идет на подсознательном уровне. В самом широком измерении наиболее часто в последнее время под чужими понимаются США и все, кто имеет к ним какое-то отношение. В-третьих, это миф о мессианском призвании российского народа. В-четвертых, это оправдание действий харизматического лидера. Если глава государства является кумиром для большинства населения, то практически любые его действия, в том числе относительно военных действий, будут считаться необходимыми. При этом русского человека мало интересуют конкретные цифры относительно количества используемой военной техники, оружия, солдат, расходов финансовых и человеческих ресурсов. Победа в российском понимании зависит главным образом не только от этого, а от того, как это уготовано судьбой, как повезет. И, конечно, много зависит от руководства. Но вера в себя, в высокое мессианское призвание народа должно поддерживаться в любом случае. В противном случае россиянину трудно согласиться с происходящим, возможно, не очень удачным ведением военной кампании. Хотя, несомненно, считается очень важ-

ным, чтобы была победа любой ценой. И здесь в расчет уже не будут брать затраты материальных и человеческих ресурсов. Все эти стереотипы работали всегда при интерпретации, и они использовались в той пропаганде, которая сопровождала в информационном освещении события, которые происходили в Грузии.

Относительно военной операции в Ираке наблюдаются примерно такие же общероссийские ментальные установки. Так как операция осуществляется не Россией и не для России и вообще мало касается России, то согласных с ней очень немного. Тем более что начало данной операции положили американцы, имеющие для россиян устойчивый образ агрессора и «чужого» для России. Война в Ираке не вписывается в российские мифы и стереотипы, в культ справедливости – соответственна и реакция россиян. Если бы данная военная кампания была организована какой-либо другой страной, а если бы еще этой страной оказалась сама Россия, то отношение могло существенным образом измениться.

Из приведенных примеров видно, что при исследовании менталитета как феномена, помогающего понять истоки миротворческой проблематики, необходимо прежде всего обратить внимание на фундаментальное основание менталитета. Анализ фундаментального архетипического основания менталитета показывает значимость обращения при его исследовании к таким феноменам, как «пространство» и «время». Восприятие пространства и времени в российском менталитете оказывает определяющее воздействие на отношение россиян к войне и миру.

Таким образом, предложенная методология показывает один из аспектов анализа проблемы войны и мира с позиций философии культуры. Ее использование позволяет выделить в структуре менталитета фундаментальное архетипическое и социокультурное основания в диалектике их взаимодействия и увидеть значение нерелексированного основания менталитета (которое базируется на таких феноменах, как «пространство» и «время») при исследовании вопросов войны и мира. Это дает возможность увидеть глубинные причины непонимания между конфликтующими сторонами и сложности в поиске мирного взаимодействия между ними.

Полученные выводы могут быть использованы во всех сферах жизнедеятельности, связанных с решением международных конфликтов: вопросы дипломатии, военно-политические отношения, миграционная политика и тому подобное – для установления благоприятных отношений как между разными странами, так и внутри многонациональных государств.

Список литературы

1. Любчак В. П. К вопросу о структуре менталитета, значимой для понимания отношения к вопросам войны и мира // Материалы междунар. конф. «Исследование мира и миротворческий дискурс в системе образования». 23–25 сент. 2008 г. Томск, 2008. С. 129–133.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1990. 200 с.
3. Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983. 300 с.
4. Леви-Брюль Л. Первобытный менталитет. СПб.: Европейский дом, 2002. 399 с.
5. Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: «Ренессанс» СП «ИВО-Сид», 1991. 288 с.
6. Левинсон А. Война и земля как этнические категории // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 104.
7. База данных ФОМ. Военные и территориальные конфликты. URL: http://bd.fom.ru/cat/inter_pol/terr_conf
8. Магомедова Л. Общественное мнение России: Грузию надо было дожать. URL: <http://www.gzt.ru>
9. Бодэ В. Отношение россиян к конфликту в Грузии. URL: <http://www.svobodanews.ru/content/transcript/461694.html>

Любчак В. П., инженер лаборатории социологии и гендерных исследований.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, г. Томск, Томская область, Россия, 634061.

E-mail: verlub24@mail.ru

Материал поступил в редакцию 07.04.2010.

V. P. Lyubchak

THE FUNDAMENTAL FOUNDATIONS OF RUSSIAN MENTALITY: UNDERSTANDING OF WAR AND PEACE

This article is about some aspects of Russian mentality fundamental influence on the forming of understanding of war and peace. This leads to the conclusion that understanding of space and time defines Russian understanding of war and peace. The proof of this conclusion is illustrated with the help of example of Russian people's attitude towards the Georgian and Iraq wars.

Key words: *war, peace, space, time, mentality.*

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Tomsk oblast, Russia, 634061.

E-mail: verlub24@mail.ru